

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации

DOI: 10.21128/1812-7126-2017-5-139-153

ИЮЛЬ • 2017

Постановление от 5 июля 2017 года № 18-П по делу о проверке конституционности части 2 статьи 40 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201707070007; дата опубликования: 07.07.2017).

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: право на образование; общедоступное и бесплатное основное общее образование; территориальная доступность образовательных организаций; бесплатная перевозка обучающихся; местное самоуправление; компенсация расходов.

Заявитель: администрация муниципального образования городской округ город Сибай Республики Башкортостан (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть 2 статьи 40 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» постольку, поскольку на её основании решается вопрос о принадлежности конкретному муниципальному образованию обязанности по организации бесплатной перевозки обучающихся до образовательных организаций, реализующих основные общеобразовательные программы, и обратно, включая финансовое обеспечение расходов на осуществление данной обязанности.

Позиция заявителя: часть 2 статьи 40 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» позволяет возлагать на органы местного самоуправления муниципального образования, являющегося учредителем образовательной организации, реализующей основные общеобразовательные

программы, обязанность по организации бесплатной перевозки обучающихся в ней лиц, зарегистрированных по месту жительства и фактически проживающих на территории другого муниципального образования, в нарушение требований Конституции РФ, её статей 130 (часть 1), 131 (часть 1) и 133.

Итоговый вывод решения: признать часть 2 статьи 40 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» соответствующей Конституции РФ в той мере, в какой ею предполагается обязательность организации бесплатной перевозки обучающихся в муниципальных образовательных организациях, реализующих основные общеобразовательные программы, если с учётом обстоятельств, определяющих транспортную доступность образовательных организаций в конкретном муниципальном образовании, возможность осуществления обучающимися конституционного права на получение общедоступного и бесплатного основного общего образования существенно затруднена или не может быть обеспечена;

признать часть 2 статьи 40 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» не соответствующей Конституции РФ, её статьям 130 (часть 1) и 133, в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она возлагает на муниципальный район или городской округ — учредителя образовательной организации, реализующей

основные общеобразовательные программы, в которой обучаются лица, проживающие в другом муниципальном районе или городском округе, организацию их бесплатной перевозки до образовательной организации и обратно за счёт средств своего бюджета — без предоставления ему средств из бюджетов вышестоящих уровней бюджетной системы или без компенсации соответствующих расходов из бюджета муниципального района или городского округа, в котором проживают обучающиеся, — если необходимость их зачисления в данную образовательную организацию обусловлена тем, что на территории муниципального района или городского округа, где проживают эти лица, возможность осуществления ими конституционного права на получение общедоступного и бесплатного основного общего образования с точки зрения обеспечения территориальной доступности образовательных организаций существенно затруднена или не может быть обеспечена (подлежит применению с 1 июля 2018 года).

Федеральному Собранию и Правительству РФ надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на установление надлежащих нормативных и иных условий осуществления полномочия по организации бесплатной перевозки обучающихся в муниципальных образовательных организациях, реализующих основные общеобразовательные программы, а также источников и порядка финансирования указанной деятельности. Субъекты Российской Федерации не лишены возможности принять меры по финансовому обеспечению осуществления данного полномочия муниципальных районов и городских округов.

Заявитель по настоящему делу вправе обратиться с требованием о возмещении соответствующим муниципальным районом расходов на осуществление перевозки обучающихся, проживающих в данном муниципальном районе, в образовательную организацию на своей территории и обратно до 1 июля 2018 года.

Мотивы решения. Закрепляя в статье 43 (части 1 и 2) право на образование и право на общедоступное и бесплатное основное общее образование в государственных или муниципальных образовательных учреждениях как его элемент, Конституция РФ определяет и систему гарантий этого права, предполагаю-

щую обязанность как государства, так и муниципальных образований сохранять в достаточном количестве имеющиеся общеобразовательные учреждения и при необходимости расширять их сеть.

Местное самоуправление обеспечивает самостоятельное решение населением вопросов местного значения и осуществляется в городских, сельских поселениях и на других территориях с учётом исторических и иных местных традиций, а его органы самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы (статья 3, часть 2; статья 12; статья 130, часть 1; статья 131, часть 1; статья 132, часть 1 Конституции РФ). В силу приведённых положений естественными пределами ответственности органов местного самоуправления при осуществлении возложенных на них полномочий выступают территория и население муниципального образования. В Постановлении от 24 декабря 2013 года № 30-П Конституционный Суд указал, что правовое регулирование, позволяющее точно и однозначно определить принадлежность того или иного полномочия, обеспечивающего в том числе реализацию прав и свобод человека и гражданина, органам публичной власти конкретного уровня, является — в силу статей 5 (часть 3), 7, 12, 18, 71 (пункт «в»), 72 (пункт «б» части 1) и 76 Конституции — необходимым элементом надлежащего распределения обязанностей между Российской Федерацией, её субъектами и муниципальными образованиями. Осуществляя соответствующее правовое регулирование, федеральный законодатель должен соблюдать баланс конституционно защищаемых ценностей — самостоятельности местного самоуправления как публичной власти, наиболее приближенной к населению, с одной стороны, и обусловленной конституционной природой Российской Федерации как социального государства и конституционным принципом равенства гарантированности равным образом всем гражданам социальных прав независимо от того, на территории какого муниципального образования они проживают, — с другой.

Каждый ребёнок в силу статьи 19 Конституции РФ имеет равную с другими, не зависящую от социального происхождения, места

жительства, а также иных обстоятельств возможность развития личности, а равенство возможностей при получении образования предполагает равный доступ в существующие государственные или муниципальные образовательные организации (см.: *Постановление от 15 мая 2006 года № 5-П*).

Реализация права каждого человека на образование обеспечивается путём создания федеральными государственными органами, органами государственной власти субъектов РФ и органами местного самоуправления соответствующих социально-экономических условий для его получения. Существенным элементом создания таких социально-экономических условий является обеспечение территориальной доступности образовательных организаций, предоставляющих общее (начальное, основное, среднее) образование, тем более что использование при его получении дистанционных образовательных технологий с применением информационно-телекоммуникационных сетей не носит массового характера и, по крайней мере в настоящее время, не может заменить обычный учебный процесс, предполагающий непосредственное взаимодействие обучающихся и педагогических работников.

Организация бесплатной перевозки обучающихся в муниципальных образовательных организациях, реализующих основные общеобразовательные программы представляет собой специальную форму обеспечения территориальной доступности образовательных организаций, рассчитанную на ситуации, когда на конкретной части территории муниципального района или городского округа отсутствует возможность обеспечения территориальной доступности образовательной организации иным образом. Часть 2 статьи 40 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» указывает на перевозку обучающихся между поселениями, которые могут находиться в границах либо одного муниципального района, либо соседних муниципальных районов, а также — учитывая, что в названном законе под городским округом подразумевается городское поселение, которое не входит в состав муниципального района (такое его понимание действовало до 15 апреля 2017 года — даты вступления в силу Федерального закона от 3 апреля 2017 года № 62-ФЗ), — между поселением в гра-

ницах муниципального района и городским округом. Данное указание прямо не обуславливает необходимость бесплатной перевозки обучающихся при затруднённости обеспечения иным образом транспортной доступности муниципальных общеобразовательных организаций, если место жительства обучающихся и образовательная организация находятся в границах одного городского или сельского поселения, особенно на территориях с низкой плотностью сельского населения, а также в отдалённых и труднодоступных местностях, где пешеходная доступность не является критерием установления границ поселения, либо в границах одного городского округа, или если место жительства обучающегося либо образовательная организация находятся на межселенной территории в муниципальном районе. Конституционный Суд считает возможным обратить внимание федерального законодателя как на это обстоятельство, так и на новое определение понятия «городской округ», исключившее с 15 апреля 2017 года соотнесение его с городским поселением, и рекомендовать внести в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» соответствующие поправки.

По буквальному смыслу части 2 статьи 40 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» обязанность по организации бесплатной перевозки обучающихся между поселениями возлагается на учредителя соответствующей образовательной организации, то есть данная обязанность лежит на тех муниципальных образованиях, на территории которых осуществляется обучение. Тем самым как сама обязанность, так и связанные с ней расходные обязательства снимаются с тех муниципальных образований, в которых проживают эти обучающиеся и которые не обеспечили в рамках своей дискреции по решению вопросов местного значения создание общеобразовательных организаций в достаточном количестве и в местах, обеспечивающих их территориальную доступность для обучающихся.

К числу гарантий самостоятельности местного самоуправления относится закреплённое в статье 133 Конституции и конкретизированное в федеральных законах право на компенсацию дополнительных расходов, возникших в результате решений, принятых органами государственной власти, а также уста-

новленный частью 4 статьи 18 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» запрет, в силу которого недопустимо возложение на муниципальные образования обязанности финансирования расходов, возникших в связи с осуществлением органами государственной власти и (или) органами местного самоуправления иных муниципальных образований своих полномочий. Муниципальное образование — учредитель образовательной организации, в которую обучающийся, проживающий в другом муниципальном образовании, зачислен в связи с наличием объективных обстоятельств, обуславливающих невозможность обеспечения или существенное затруднение осуществления им конституционного права на получение общедоступного и бесплатного основного общего образования с точки зрения территориальной доступности, несёт не только расходы на организацию его предоставления по основным общеобразовательным программам, но и расходы на организацию бесплатной перевозки, тогда как муниципальное образование, в котором проживает обучающийся, не только оптимизирует на своей территории обычные расходы на организацию предоставления основного общего образования, но и избегает расходов, связанных с исполнением императивного предписания закона, касающегося организации перевозки обучающихся между поселениями.

Такая ситуация не может оцениваться как отвечающая конституционным критериям справедливости и соразмерности, тем более если необходимость зачисления обучающегося в образовательную организацию другого муниципального образования порождена действиями (бездействием) администрации муниципального образования, в котором он проживает. Однако не исключается организация бесплатной перевозки обучающихся в муниципальных образовательных организациях, не расположенных на территории того муниципального образования, в котором они проживают, до выбранной ими с учётом требований территориальной доступности образовательной организации и обратно учредителями этих образовательных организаций в рамках институтов межмуниципального сотрудничества с муниципальным образованием, на территории которого проживают обучающиеся.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Всеобщая декларация прав человека 1948 года; Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1952 года; Конвенция о правах ребёнка 1989 года; Конвенция о борьбе с дискриминацией в области образования 1960 года; Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 года.

Особые мнения представили судьи С. М. Казанцев, А. Н. Кокотов, С. Д. Князев.

Постановление от 10 июля 2017 года № 19-П по делу о проверке конституционности положений подпункта 2 пункта 2 статьи 164 Налогового кодекса Российской Федерации и Перечня кодов видов товаров для детей в соответствии с единой Товарной номенклатурой внешнеэкономической деятельности Таможенного союза, облагаемых налогом на добавленную стоимость по налоговой ставке 10 процентов при ввозе на территорию Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201707140003; дата опубликования: 14.07.2017)

Дело рассмотрено в заседании без проведения слушания.

Правовые категории в Постановлении: налог на добавленную стоимость; ввоз товаров на территорию Российской Федерации; налоговые льготы; правовая определённость; равенство налогообложения.

Заявитель: Общество с ограниченной ответственностью «Мишутка» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения подпункта 2 пункта 2 статьи 164 Налогового кодекса РФ и Перечня кодов видов товаров для детей в соответствии с единой Товарной но-

менклатурой внешнеэкономической деятельности Таможенного союза, облагаемых налогом на добавленную стоимость по налоговой ставке 10 процентов при ввозе на территорию Российской Федерации, утверждённого постановлением Правительства РФ от 31 декабря 2004 года № 908 (*далее* — Перечень кодов видов товаров для детей), в той мере, в какой на их основании разрешается вопрос о возможности применения в отношении прямо указанного в данных нормативных правовых актах товара для детей (колясок детских) ставки налога на добавленную стоимость в размере 10 процентов при ввозе их на территорию Российской Федерации в случаях их поставки в определённой комплектации.

Позиция заявителя: оспариваемые положения, не позволяющие — в силу своей неопределённости — налогоплательщику при ввозе на территорию Российской Федерации детских колясок в предусмотренной производителем комплектации воспользоваться налогообложением по установленной законом пониженной ставке налога на добавленную стоимость (притом что в период с августа 2015 года по февраль 2017 года заявитель неоднократно ввозил на территорию Российской Федерации такие же товары с аналогичной комплектацией и выпуск данных товаров с применением ставки налога на добавленную стоимость 10 процентов возражений не вызывал) не соответствуют статьям 2, 6 (часть 2), 8, 15 (части 1 и 2), 17 (часть 1), 19, 34 (часть 1), 35 (части 1 и 2), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 57 Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: признать взаимосвязанные положения подпункта 2 пункта 2 статьи 164 Налогового кодекса РФ и Перечня кодов видов товаров для детей не противоречащими Конституции РФ, поскольку по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они не могут служить основанием для отказа налогоплательщику в исчислении налога на добавленную стоимость по ставке 10 процентов при ввозе на территорию Российской Федерации детских колясок в комплектации, согласующейся с обычным использованием товара и включающей как саму коляску, так и соответствующие принадлежности к ней.

Конституционно-правовой смысл указанных нормативных положений, выявленный

в Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

Правоприменительные решения, принятые по делу ООО «Мишутка» на основании подпункта 2 пункта 2 статьи 164 Налогового кодекса РФ и Перечня кодов видов товаров для детей, в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом РФ в Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке, если для этого нет иных препятствий.

Мотивы решения. По смыслу статьи 57 в системной связи со статьями 1 (часть 1), 15 (части 2 и 3) и 19 (части 1 и 2) Конституции РФ, в Российской Федерации как правовом государстве законы о налогах должны содержать чёткие и понятные нормы. Соблюдение конституционных предписаний относительно формальной определённости и полностью элементов налогового обязательства при формировании структуры налога и учёт объективных характеристик экономико-правового содержания налога обеспечивают эффективность налогообложения и реальность его целей и позволяют налогоплательщикам своевременно уплатить налог, а налоговым органам — осуществлять контроль за действиями налогоплательщиков по уплате налоговых сумм в бюджет (см.: *постановления от 23 мая 2013 года № 11-П и от 1 июля 2015 года № 19-П*). Расплывчатость налоговой нормы может привести к не согласующемуся с конституционным принципом правового государства произвольному и дискриминационному её применению государственными органами и должностными лицами в их отношениях с налогоплательщиками и тем самым — к нарушению конституционного принципа юридического равенства и вытекающего из него требования равенства налогообложения (см.: *постановления от 8 октября 1997 года № 13-П, от 11 ноября 1997 года № 16-П, от 28 марта 2000 года № 5-П, от 20 февраля 2001 года № 3-П, от 14 июля 2003 года № 12-П, от 23 мая 2013 года № 11-П, от 13 апреля 2016 года № 11-П и др.*). Неясности же, выявляемые в процессе применения налоговых норм в конкретных правовых ситуациях, устраняются путем толкования этих норм правоприменительными органами, в том числе судами,

которые должны обеспечивать конституционное истолкование подлежащих применению нормативных положений и тем самым — необходимую степень определённости правового регулирования путем выявления не только содержания конкретного нормативного положения или системы находящихся во взаимосвязи нормативных положений, но и более сложных взаимосвязей правовых предписаний (см.: *постановления от 22 апреля 2013 года № 8-П, от 25 июня 2015 года № 16-П, от 24 марта 2017 года № 9-П и др.*). Таким образом, требование формальной определённости налоговых норм, являющееся конкретизацией конституционных принципов равенства и законности, должно быть соблюдено как при установлении налогов, сборов, так и при правовом регулировании контрольных и юрисдикционных процедур, связанных с реализацией налогообложения.

Установленная Налоговым кодексом РФ пониженная ставка налога на добавленную стоимость, применяемая при реализации отдельных видов товаров для детей, в том числе детских колясок, обусловлена социальной значимостью данных товаров, введена государством в целях их доступности для потребителей (родителей и иных лиц, имеющих малолетних детей).

Конституционный Суд РФ отметил, что установление федеральным законодателем пониженной ставки налога на добавленную стоимость не предполагает произвольного решения вопроса о её применении в каждом конкретном случае ни со стороны налогоплательщика, ни налоговыми органами (см.: *определения от 15 мая 2007 года № 372-О-П, от 2 апреля 2009 года № 475-О-О, от 28 февраля 2017 года № 468-О и др.*).

Включаемые производителем в комплектацию большинства современных моделей детских колясок, согласующуюся с их обычным использованием, элементы — сумка для детских вещей, противомоскитная сетка, чехол от дождя и ветра, корзина для вещей и др. — в товарной позиции Перечня товаров для детей «Коляски детские и их части» не обозначены. Между тем принадлежности, представляемые вместе со средствами наземного транспорта, куда входят детские коляски (группы 86—89 Единой товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Та-

моженного союза, утверждённой решением Совета Евразийской экономической комиссии от 16 июля 2012 года № 54), должны классифицироваться вместе с ними, если являются частью их обычной комплектации и обычно продаются вместе с ними.

Из действующих нормативных положений в их взаимосвязи, в том числе с оспариваемыми положениями, вытекает, что в отношении колясок детских положения подпункта 2 пункта 2 статьи 164 Налогового кодекса РФ и Перечня кодов видов товаров для детей, не предполагают отказ от применения этой ставки в случаях поставки таких колясок в комплектации, согласующейся с их обычным использованием (в которой принадлежности связаны с обычным использованием главной вещи и разумно соотносятся с ней по стоимости).

Разрешая в указанных случаях споры о размере ставки налога на добавленную стоимость в отношении комплектов детских товаров, арбитражные суды должны исходить из того, что действующее правовое регулирование не исключает возможность применения подпункта 2 пункта 2 статьи 164 Налогового кодекса РФ на основе исследования и оценки фактических обстоятельств, в том числе связанных с использованием налогоплательщиком ставки налога на добавленную стоимость 10 процентов в отношении данного товара для детей в предыдущие периоды. Между тем правоприменительная, в том числе судебная, практика (как это имело место в деле заявителя) свидетельствует о том, что содержащееся в оспариваемых нормативных положениях указание на использование ставки 10 процентов в отношении детских колясок понимается исходя из его буквального смысла — как распространяющееся только на случаи, когда на территорию Российской Федерации ввозятся коляски, не укомплектованные какими-либо принадлежностями.

Такое толкование рассматриваемого правового регулирования, расходящееся с его конституционно-правовым смыслом, привело к тому, что применение ставки налога на добавленную стоимость в размере 10 процентов стало невозможным в случае, когда прямо упомянутый в подпункте 2 пункта 2 статьи 164 Налогового кодекса РФ детский товар был ввезен в виде комплекта, состоящего из вещи, определяющей название товара, и при-

надлежащих к ней. Переход же на исчисление данного налога по ставке 18 процентов, в том числе на саму коляску, неправомерно ограничивший имущественные права налогоплательщика (импортёра) путём неосновательного изъятия его денежных средств в пользу казны, а также приобретателя этого

товара, оплачивающего налог в цене товара при отсутствии к тому объективных причин, не может считаться оправданным с точки зрения защищаемых Конституцией РФ целей и ценностей и отвечающим требованиям, вытекающим из её статей 19 (части 1 и 2), 34 (часть 1), 35 (часть 1), 46 и 57.

Постановление от 11 июля 2017 года № 20-П по делу о проверке конституционности положений статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, частей 1 и 2 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201707180001; дата опубликования: 18.07.2017)

Правовые категории в Постановлении: право на судебную защиту; гражданский процесс; арбитражный процесс; распределение судебных расходов; кадастровая стоимость объекта недвижимости; обязанность платить налоги и сборы.

Заявители: гражданка Н. Б. Слободяник; федеральное государственное бюджетное учреждение «Российский сельскохозяйственный центр» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: положения статьи 111 во взаимосвязи с частью 5 статьи 247 и пунктом 2 части 1 статьи 248 Кодекса административного судопроизводства РФ (*далее* — КАС РФ), положения частей 1 и 2 статьи 110 АПК РФ, выражающие правила о распределении судебных расходов, в той части, в какой на их основании решается вопрос о распределении судебных расходов по делам об оспаривании результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости путём предъявления требования об установлении кадастровой стоимости этих объектов в размере, равном их рыночной стоимости.

Позиция заявителей: оспариваемые положения КАС РФ и АПК РФ в силу неопределённости своего нормативного содержания и неоднозначного истолкования в судебной практике противоречат требованиям Конституции РФ, её статей 1 (часть 1), 4 (часть 2), 15 (части 1, 2 и 3), 18, 19, 45, 46 (части 1 и 2) и 120.

Итоговый вывод решения: признать положения статьи 111, части 5 статьи 247 и пункта 2 части 1 статьи 248 КАС РФ, частей 1 и 2 статьи 110 АПК РФ не соответствующими Конституции РФ, её статьям 19 (части 1 и 2), 35 (части 1, 2 и 3), 46 (части 1 и 2), 53, 55 (часть 3) и 57, в той мере, в какой этими положениями — по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, — при отсутствии возражений ответчика, административного ответчика на требования истца, административного истца фактически исключается возможность присуждения судебных расходов лицу, чьё исковое заявление, административное исковое заявление об установлении кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере его рыночной стоимости удовлетворено судом, даже в тех случаях, когда:

ранее определённая в порядке массовой оценки кадастровая стоимость данного объекта настолько превышает его кадастровую стоимость, установленную судом в размере его рыночной стоимости, что это может свидетельствовать о повлекшей нарушение прав соответствующего лица ошибке, допущенной при формировании методики определения кадастровой стоимости или при её применении к конкретному объекту недвижимости,

и (или) понесённые этим лицом судебные расходы не связаны с его процессуальным поведением после подачи иска, административного иска.

Федеральному законодателю надлежит внести в правовое регулирование необходи-

мые изменения, направленные на уточнение правил распределения судебных расходов по делам об установлении кадастровой стоимости объектов недвижимости в размере, равном их рыночной стоимости.

Впредь до внесения в правовое регулирование необходимых изменений соответствующие положения КАС РФ подлежат применению с учётом правовых позиций Конституционного Суда РФ, изложенных в Постановлении.

Правоприменительные решения по делам заявителей, основанные на признанных неконституционными положениях КАС РФ и АПК РФ в той мере, в какой они признаны Постановлением не соответствующими Конституции РФ, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Конституционное право на судебную защиту служит фундаментальной гарантией права собственности (статья 35 Конституции РФ), в том числе в его сопряжении с обязанностью каждого платить законно установленные налоги и сборы (статья 57 Конституции РФ). Обращение к тем или иным способам судебной защиты не может обуславливаться возложением на заинтересованное лицо необоснованных и чрезмерных обременений, которые своей тяжестью могли бы обесмыслить достигнутые процессуальные результаты и тем самым обесценить саму возможность доступа к правосудию.

В соответствии с принципом полноты судебной защиты и требованиями равенства и справедливости правосудия, признание права на присуждение судебных расходов за лицом (стороной), в пользу которого состоялось судебное решение, призвано восполнить лицу, чьи права нарушены, вновь возникшие и не обусловленные деятельностью самого этого лица потери, которые оно должно было понести для восстановления своих прав в связи с необходимостью совершения действий, сопряжённых с возбуждением судебного разбирательства и участием в нем.

В системе действующего правового регулирования кадастровая стоимость используется в основном для целей налогообложения. Кадастровая стоимость как таковая представляет собой не объективно существующую безусловную величину, установленную в качестве действительной цены, обязательной

для любых сделок с объектами недвижимости, а их предполагаемую (условную) стоимость, установленную в ходе корректного исполнения законных процедур государственной кадастровой оценки, которая считается достоверной, пока не пересмотрена по правилам оценочной деятельности с установлением в итоге столь же законной рыночной стоимости этих объектов; при этом для целей налогообложения имеется преимущество в применении кадастровой стоимости объектов недвижимости, равной рыночной стоимости, перед их кадастровой стоимостью, установленной по результатам государственной кадастровой оценки, поскольку соответствующая рыночная стоимость получена в результате индивидуальной оценки конкретного объекта недвижимости (см.: *Постановление от 5 июля 2016 года № 15-П*).

Право лица на установление кадастровой стоимости принадлежащего ему объекта недвижимости в размере, равном его рыночной стоимости, служит, в частности, целям последующего определения налогового обязательства в размере не большем, чем это установлено законом, притом что именно такой объём налоговой обязанности предопределён требованием статьи 57 Конституции РФ о необходимости уплаты только законно установленных налогов и сборов во взаимосвязи с предписаниями её статей 15 и 18 (см.: *постановления от 3 июня 2014 года № 17-П и от 1 июля 2015 года № 19-П; определения от 23 октября 2014 года № 2341-О, № 2342-О и № 2343-О*).

В системе действующего правового регулирования судебное оспаривание лицом результатов определения кадастровой стоимости принадлежащего ему объекта недвижимости путем предъявления требования о её установлении в размере, равном рыночной стоимости данного объекта, связано для него прежде всего с необходимостью установления экономически обоснованной налоговой базы по соответствующему налогу, а возникающие в связи с этим расходы, как правило, определяются соблюдением императивных требований процессуального законодательства, устанавливающих порядок рассмотрения дел данной категории, а также инициативной деятельностью суда, то есть не обусловлены процессуальным поведением самого этого лица.

Возложение на самих налогоплательщиков бремени несения судебных расходов, связанных с установлением кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере, равном его рыночной стоимости, если в результате массовой кадастровой оценки она была определена ошибочно, не только сужает реальную доступность правосудия, но и способно финансово обесценить значение соответствующего судебного решения с точки зрения соотношения бремени судебных расходов с ожидаемыми налоговыми выгодами в связи с возможным изменением налоговой базы по соответствующему налогу на недвижимое имущество.

При рассмотрении дел, связанных с оспариванием результатов определения кадастровой стоимости объекта недвижимости и её установлением в размере рыночной стоимости этого объекта, истец, административный истец, чьи требования об установлении кадастровой стоимости объекта недвижимости в размере, равном его рыночной стоимости, удовлетворены судом, вынуждены во всех без исключения случаях при отсутствии возражений со стороны ответчика, административ-

ного ответчика в полной мере нести расходы, связанные с необходимостью определения экономической обоснованной налоговой базы по земельному и иным имущественным налогам, тогда как освобождение ответчика, административного ответчика от бремени несения судебных расходов зависит от его собственного усмотрения. При этом ситуация, при которой одна из сторон судебного разбирательства ставится, по существу, в привилегированное положение наличием фактической прерогативы predetermined своей позицией решение суда относительно порядка распределения судебных расходов, приводит к произвольному — вопреки требованиям статей 35 и 57 Конституции РФ — лишению другой стороны собственности в части несения затрат (даже в случае допущенной при установлении кадастровой стоимости ошибки) на определение экономической обоснованной налоговой базы по земельному и иным имущественным налогам, снимая тем самым с государства предусмотренную статьёй 53 Конституции РФ обязанность возместить причинённый незаконными действиями его органов, должностных лиц вред гражданину, организации.

Постановление от 14 июля 2017 года № 21-П по делу о проверке конституционности части 1 статьи 260 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201707200001; дата опубликования: 20.07.2017).

Правовые категории в Постановлении: уголовный процесс; право на судебную защиту; разумный срок судебного разбирательства; протокол судебного заседания; замечания на протокол судебного заседания; восстановление пропущенного срока.

Заявитель: гражданин Е. В. Савченко (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: часть первая статьи 260 УПК РФ постольку, поскольку на её основании в системе действующего уголовно-процессуального законодательства разрешается вопрос о возможности рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания суда первой инстанции в случае, когда такие замечания поданы стороной, прежде ознакомленной с данным протоколом, за пределами установленного этой нормой для их подачи

срока, в том числе после направления уголовного дела в суд апелляционной инстанции.

Позиция заявителя: часть первая статьи 260 УПК РФ в силу неопределённости своего нормативного содержания позволяет суду рассматривать замечания государственного обвинителя на протокол судебного заседания, поданные за пределами предусмотренного ею срока, без вынесения решения о его восстановлении, нарушая тем самым права гражданина, гарантированные статьями 4 (часть 2), 15 (части 1, 2 и 4), 18, 19 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 55 (часть 2), 76, 120 (часть 2) и 123 (часть 3) Конституции РФ.

Итоговый вывод решения: признать часть первую статьи 260 УПК РФ не противоречащей Конституции РФ, поскольку по своему

конституционно-правовому смыслу в системе действующего уголовно-процессуального законодательства содержащееся в ней законоположение:

допускает рассмотрение председательствующим в суде первой инстанции замечаний на протокол судебного заседания этого суда, поданных стороной, прежде ознаковленной с данным протоколом, после истечения предусмотренного для их подачи срока, лишь при условии предшествующего разрешения председательствующим в суде первой инстанции в мотивированном постановлении ходатайства о восстановлении пропущенного срока на основе оценки всех доводов ходатайствующей стороны;

исключает восстановление пропущенного срока для подачи замечаний на протокол судебного заседания суда первой инстанции и их подачу после направления уголовного дела в суд апелляционной инстанции, что не лишает стороны возможности при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции заявить ходатайство о подтверждении или опровержении тех или иных имеющих значение для данного дела фактов и обстоятельств, относящихся к судебному заседанию суда первой инстанции, но не нашедших отражения или неверно отражённых в его протоколе;

подразумевает обязанность суда первой инстанции уведомить об удостоверении правильности замечаний на протокол судебного заседания, поданных стороной, прежде ознаковленной с данным протоколом, после истечения срока, предусмотренного для подачи таких замечаний, другую сторону.

Правоприменительные решения по делу гражданина Е. В. Савченко подлежат пересмотру в установленном порядке, если применение части первой статьи 260 УПК РФ в истолковании, расходящемся с её конституционно-правовым смыслом, выявленным Конституционным Судом РФ в настоящем Постановлении, могло оказать в деле заявителя влияние на содержание приговора и принятых по итогам его обжалования судебных решений.

Мотивы решения. С целью достоверного отображения судебного процесса УПК РФ устанавливает правила фиксации хода и результатов судебного заседания в протоколе (статья 259), порядок подачи и рассмотрения замечаний на такой протокол (статья 260),

его оценки судом апелляционной инстанции, а также использования данным судом для проверки законности и обоснованности приговора (статьи 83, 389.16 и 389.17). Общие требования к ведению протокола судебного заседания определяют его значение как процессуального документа, который призван достоверно и последовательно отражать ход судебного разбирательства, способствовать постановлению приговора в соответствии с доказательствами, исследованными в судебном заседании, и обеспечивать возможность контроля со стороны вышестоящих судебных инстанций за выполнением судом требований закона при разрешении уголовных дел (см.: *определения от 2 июля 2009 года № 1014-О-О, от 24 июня 2014 года № 1433-О и др.*). Тем самым протокол судебного заседания способен оказать — в зависимости от степени его полноты и правильности — существенное влияние на разрешение дела в вышестоящем суде. Соответственно, в целях исправления возможных ошибок и неточностей, допущенных в протоколе судебного заседания, федеральный законодатель не только установил нормативные требования к изготовлению протокола, но и наделил участников уголовного судопроизводства правом знакомиться с протоколом и при необходимости подавать на него замечания, которому корреспондирует обязанность председательствующего судьи обеспечить возможность осуществления данного права.

При этом процедура рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания, предусмотренная статьёй 260 УПК РФ, во всяком случае не может использоваться для такой корректировки протокола, которая не отвечала бы принципу его объективности, то есть для исправления допущенных при разбирательстве дела в суде первой инстанции существенных ошибок и отступлений от законной процедуры судопроизводства путём искажения в любой форме подлинных обстоятельств, имевших место при судебном рассмотрении дела и способных повлечь отмену судебного решения по обращению, адресованному суду вышестоящей инстанции. Данная статья не даёт судье возможность расценить содержащиеся в жалобе на не вступившее в законную силу судебное решение доводы осуждённого или его защитника в качестве замечаний на протокол судебного заседания (см.: *опреде-*

ления от 22 марта 2012 года № 591-О-О, от 23 апреля 2013 года № 557-О, от 27 октября 2015 года № 2337-О и др.). Кроме того, в предусмотренном статьёй 260 УПК РФ порядке председательствующий судья удостоверяет правильность лишь тех замечаний об ошибках и упущениях в протоколе судебного заседания, которые не вызывают у него возражений. Иное могло бы привести к подмене правил разрешения вопроса о наличии оснований для отмены или изменения судебного решения указанной процедурой, порождало бы спор между лицом, ответственным за изготовление протокола, и лицом, подавшим на него замечания, то есть вынуждало бы председательствующего быть судьёй в собственном деле.

Требование разумного срока судебного разбирательства, предполагающее неукоснительное соблюдение участниками уголовного судопроизводства закреплённых законом сроков и призванное способствовать своевременному разрешению дел, относится и к срокам изготовления протокола судебного заседания суда первой инстанции, ознакомления с протоколом и рассмотрения замечаний на протокол. При их установлении федеральный законодатель не мог не учитывать последующую процедуру апелляционного пересмотра уголовного дела, которая должна осуществляться без неоправданных задержек или приостановления производства по делу. Краткость сроков, предусмотренных статьями 259 и 260 УПК РФ, объяснима как этим обстоятельством, так и предназначением правил подачи и рассмотрения замечаний на протокол судебного заседания для исправления в нём тех ошибок, с наличием которых согласен председательствующий судья.

В течение трёх суток со дня ознакомления с протоколом судебного заседания стороны могут подать на него замечания, подлежащие незамедлительному рассмотрению председательствующим. По результатам рассмотрения замечаний председательствующий выносит постановление об удостоверении их правильности либо об их отклонении, которое вместе с замечаниями приобщается к протоколу судебного заседания, что, в свою очередь, позволяет вышестоящим судебным инстанциям ознакомиться не только с протоколом, но и с замечаниями на него, оценив правомерность их удостоверения либо отклонения (см.:

определения от 23 апреля 2013 года № 557-О, от 21 мая 2015 года № 1105-О и др.).

Между тем предоставление сторонам возможности изложить свою позицию относительно полноты и правильности отражения в протоколе судебного заседания тех или иных обстоятельств является элементом обеспечения права на эффективную судебную защиту, а потому факт истечения срока для подачи замечаний на протокол не должен сам по себе исключать подачу замечаний в случае уважительности причин пропуска этого срока.

Рассмотрение замечаний на протокол судебного заседания, поданных стороной, прежде ознакомленной с ним, после истечения срока, предусмотренного законом для подачи замечаний, не может осуществляться в произвольном порядке, в том числе поскольку способно привести к нарушению прав другой стороны судопроизводства.

При отсутствии в статье 260 УПК РФ специального указания, касающегося восстановления пропущенного срока для подачи замечаний на протокол судебного заседания, общей гарантией для лиц, не имевших возможности реализовать своё право на совершение этого процессуального действия в отведённое время, служит институт восстановления процессуальных сроков, предусмотренный статьёй 130 данного Кодекса.

УПК РФ не содержит указаний на возможность возвращения дела в суд первой инстанции в случае поступления замечаний на протокол судебного заседания этого суда, когда дело уже находится в суде апелляционной инстанции. Рассмотрение же председательствующим в суде первой инстанции замечаний на данный протокол без возвращения дела также лишено оснований: решение по существу замечаний, принятое им при отсутствии у него материалов дела, не только вызывало бы сомнения с точки зрения объективности и обоснованности, но и, относясь к делу, находящемуся в суде апелляционной инстанции, нарушало бы требования инстанционности. В то же время и судья суда апелляционной инстанции — поскольку функция по рассмотрению замечаний на протокол судебного заседания суда первой инстанции в настоящее время основана на личном восприятии хода процесса судьёй этого суда — не вправе принимать специальное решение по замечаниям

на такой протокол, непосредственно затрагивающее его содержание. Как указывал Конституционный Суд РФ, не предполагается рассмотрение председательствующим поданных на протокол судебного заседания замечаний после направления дела в суд вышестоящей инстанции (см.: *определения от 11 мая 2012 года № 684-О и от 28 мая 2013 года № 788-О*).

При этом суд апелляционной инстанции не ограничен в полномочии проверить точность, полноту и правильность протокола судебного заседания суда первой инстанции с учётом доводов участников уголовного судопроизводства, материалов дела и исследованных доказательств, оценить такой протокол как одно из доказательств, не имеющих заранее установленной силы и приоритета перед другими доказательствами, признать имеющиеся в нём неточности и ошибки и определить их влияние (отсутствие такового) на вынесение законного и обоснованного судебного решения. Тем более он не лишён возможности, обнаружив изъяны в протоколе судебного заседания суда первой инстанции, без формального изменения текста протокола принять итоговое решение на основе установленных им фактов и по своему внутренне-

му убеждению. В ходе рассмотрения дела судом апелляционной инстанции стороны вправе изложить доводы о неполноте протокола, заявить ходатайство о подтверждении тех или иных имеющих доказательственное значение фактов и обстоятельств, исследованных в судебном заседании суда первой инстанции, но не нашедших отражения в его протоколе или отражённых, по их мнению, неверно, что не предполагает произвольное отклонение таких доводов и ходатайств судом апелляционной инстанции, который обязан самостоятельно оценить содержание протокола в совокупности с другими доказательствами и материалами дела и установить наличие либо отсутствие оснований для отмены или изменения приговора либо иного проверяемого решения суда первой инстанции.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Всеобщая декларация прав человека 1948 года; Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года; Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года; Протокол № 7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1984 года.

Особое мнение представил судья Ю. М. Данилов.

Постановление от 19 июля 2017 года № 22-П по делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования:0001201707250012; дата опубликования:25.07.2017)

Правовые категории в Постановлении: иностранные граждане и лица без гражданства; миграционное законодательство; миграционный учёт; административное выдворение; свобода передвижения.

Заявители: граждане США Н. Д. Ворден и П. Д. Олджэм (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: взаимосвязанные положения части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», поскольку на их основании решается вопрос о месте пребывания иностранного гражданина

(лица без гражданства), по которому он обязан встать на миграционный учёт, и о привлечении к юридической ответственности за неисполнение этой обязанности.

Позиция заявителей: оспариваемые положения противоречат статьям 18, 19 (части 1 и 2), 27 (часть 1), 37 (часть 1), 45 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (части 2 и 3) Конституции РФ, поскольку содержат неопределённые условия миграционного учёта иностранных граждан, временно пребывающих в Российской Федерации, не позволяющие им точно понять миграционные правила и свои обязанности по их исполнению, что создает для этих лиц препятствия в осуществлении

свободы передвижения и выбора места пребывания, права распоряжаться своими способностями к труду и права на государственную, в том числе судебную, защиту и делает возможным неправомерное усмотрение в применении к ним мер административной ответственности.

Итоговый вывод решения: признать положения части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» не соответствующими Конституции РФ, её статьям 19 (части 1 и 2), 27 (часть 1), 55 (часть 3) и 62 (часть 3), в той мере, в какой — во взаимосвязи с другими положениями данного Федерального закона — они содержат неопределённость как в вопросе о том, допустима ли и в каком случае в отношении иностранного гражданина (лица без гражданства), временно пребывающего в Российской Федерации, постановка его на учёт по месту пребывания по месту нахождения (адресу) принимающей стороны, так и в вопросе о том, каким образом соотносятся обязанности в сфере миграционного учёта временно пребывающего в Российской Федерации иностранного гражданина (лица без гражданства) и принимающей стороны в части обеспечения постановки его на учёт именно по месту (адресу), по которому он должен быть в соответствии с установленным порядком поставлен на учёт по месту пребывания, притом что нарушение установленного порядка может повлечь привлечение иностранного гражданина (лица без гражданства) к юридической ответственности.

Впредь до внесения в Федеральный закон «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» надлежащих изменений, вытекающих из Постановления:

при решении вопроса о выборе места постановки иностранного гражданина (лица без гражданства) на учёт по месту пребывания, равно как и при оценке наличия в его действиях признаков нарушения режима пребывания (проживания) в Российской Федерации оспоренные положения не могут рассматриваться как обязывающие временно пребывающего в Российской Федерации иностранного гражданина (лица без гражданства), поставленного на миграционный учёт по месту нахождения (адресу) пригласившей его орга-

низации (принимающей стороны), правовая связь с которой, основанная на положениях законодательства Российской Федерации, в период пребывания в Российской Федерации им не утрачивается, вставать на миграционный учёт по месту нахождения (адресу) жилого помещения, которое ему предоставила принимающая сторона и в котором он временно проживает;

во всех иных случаях иностранные граждане и лица без гражданства должны, если в названном Федеральном законе прямо не указаны иные правила миграционного учёта, вставать на учёт по месту пребывания в месте их фактического проживания.

Федеральному законодателю надлежит незамедлительно принять меры по устранению неопределённости нормативного содержания части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации».

Правоприменительные решения по делам заявителей, основанные на признанных неконституционными положениях Федерального закона «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в той мере, в какой они признаны Постановлением не соответствующими Конституции РФ, подлежат пересмотру в установленном порядке.

Мотивы решения. Включение правил миграционного учёта в режим пребывания (проживания) иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации, обуславливающее возложение на них обязанности надлежащим образом соблюдать эти правила, отступления от которых могут влечь неблагоприятные правовые последствия, не выходит за конституционно приемлемые рамки, а введение административной ответственности за неисполнение соответствующих обязанностей, включая выдворение за пределы Российской Федерации в качестве административного наказания, не лишено конституционных оснований (см.: *Постановление от 17 февраля 2016 года № 5-П*).

Миграционный учёт призван отражать факт нахождения иностранного гражданина (лица без гражданства) по конкретному месту (адресу), определяемому, как и применительно к регистрационному учёту граждан Российской Федерации, как место пребыва-

ния или жительства, под которым обычно понимается конкретное помещение, и тем самым обеспечивать органам публичной власти, принимающей стороне, а также другим субъектам частноправовых отношений с участием иностранного гражданина (лица без гражданства) возможность непосредственных контактов с ним. Действующее правовое регулирование, направленное на избежание несправедливого привлечения иностранных граждан (лиц без гражданства) к ответственности за нарушение законодательства о миграционном учёте, не даёт однозначного ответа на вопрос, несёт ли иностранный гражданин (лицо без гражданства) ответственность за нарушение правил миграционного учёта, если принимающая сторона представила в орган миграционного учёта уведомление о его прибытии в место пребывания и он на миграционный учёт был поставлен, но фактически проживает в ином месте, нежели указанное в уведомлении.

Возложение в таких случаях ответственности исключительно на принимающую сторону не отвечало бы принципу справедливости, поскольку несоответствие между адресом места пребывания и местом фактического проживания иностранного гражданина (лица без гражданства) может быть обусловлено не действиями (бездействием) самой принимающей стороны, а поведением приглашённого ею лица, не проинформировавшего её об изменении адреса, по которому он решил проживать, создавало бы дополнительные возможности для злоупотреблений со стороны иностранного гражданина (лица без гражданства), намеренного избежать контроля уполномоченных органов, и затрудняло бы адекватное реагирование публичной власти на его поведение. Возложение в тех же случаях ответственности на иностранного гражданина (лицо без гражданства) также может привести к нарушению указанного принципа, поскольку его возможности контролировать действия принимающей стороны по надлежащему обеспечению миграционного учёта весьма ограничены.

В условия миграционного учёта не входит обязанность иностранных граждан (лиц без гражданства) находиться лишь в том помещении, адрес которого был зафиксирован при подаче в орган миграционного учёта соответствующих документов. Наличие подобного

требования, отступление от которого рассматривалось бы как несоблюдение правил миграционного учёта, влекущее соответствующие меры ответственности, связало бы их пребывание в России чрезмерно жёсткими ограничениями, недопустимыми в правовом демократическом государстве, и допускало бы не отвечающее целям защиты конституционных ценностей ограничение свободы передвижения, сопряжённое с риском непредсказуемого, избирательного и произвольного применения мер государственного принуждения.

В положениях Федерального закона «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» не прослеживается однозначная нормативная привязка места пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства) к помещению, которое используется им именно для проживания. Действующее регулирование не исключает вывода о том, что место пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства) не приравнивается к месту (адресу) его проживания, а значит, допускается его учёт по месту пребывания и в иных местах, где он осуществляет трудовую деятельность (находится).

Таким образом, оспариваемые положения могут пониматься и как допускающие возможность постановки временно пребывающего в России иностранного гражданина (лица без гражданства) на миграционный учёт по месту нахождения принимающей стороны — по крайней мере, учреждения, организации, если связывающие их правоотношения (при том что неясно, какие именно, кроме трудовых) предполагают участие в деятельности этих учреждения, организации в месте их нахождения, и как обязывающие к постановке временно пребывающего в России иностранного гражданина (лица без гражданства) на миграционный учёт исключительно по месту его фактического проживания, если таковое имеется.

При существующей неопределённости понятийного аппарата оценка факта проживания иностранного гражданина (лица без гражданства) по иному адресу, нежели обозначенный в данных миграционного учёта как место его пребывания, с точки зрения применения мер ответственности за нарушение миграционных правил может иметь различ-

ные последствия. Если рассматривать в качестве места пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства) место нахождения принимающей стороны, то его фактическое проживание вне места пребывания, указанного в данных миграционного учёта, не является как таковое основанием к изменению этих данных и, следовательно, не обязывает к выполнению предписания, предусмотренного частью 2 статьи 9 Федерального закона «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», согласно которой соответствующие данные должны сообщаться в органы миграционного учёта именно в случае изменения сведений, фиксируемых при осуществлении миграционного учёта. Иной подход, допускающий осуществление миграционного учёта по месту пребывания иностранного гражданина (лица без гражданства), под которым понимается место проживания, предполагает — в случае несоответствия места фактического проживания с местом, по которому осуществлен миграционный учёт, — оценку действий этого иностранного гражданина (лица без гражданства) как неправомерных, а, следовательно, влекущих применение к нему мер юридической ответственности.

При неопределённости используемого в Федеральном законе «О миграционном учёте иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» понятия «место пребывания» — в контексте установленных названным Федеральным законом общей обязанности иностранного гражданина (лица без гражданства) встать на миграционный учёт и конкретных обязанностей принимающей стороны по постановке его на учёт по месту пребывания — иностранный гражданин

(лицо без гражданства), притом что он лишен возможности осознавать противоправность своего поведения, выражающегося в проживании в ином, нежели документально зафиксированное при его миграционном учёте, помещении, подвергается риску быть привлечённым к юридической ответственности.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Протокол № 4 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод; Декларация о правах человека в отношении лиц, не являющихся гражданами страны, в которой они проживают (принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 декабря 1985 года); постановления Европейского Суда по правам человека от 28 июня 2011 года по делу «Нунес (Nunez) против Норвегии», от 27 сентября 2011 года по делу «Алим (Alim) против России».

Обзор подготовили: Сергей Афанасьев и Александра Урошлева. Редактор: Лев Иванов.

Библиографическое описание:

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации: июль 2017 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 5 (120). С. 139–153.

Review of judgments of the Russian Constitutional Court July 2017

Citation

(2017) *Obzor postanovleniy, vynesennykh Konstitutsionnym Sudom Rossiyskoy Federatsii: iyul' 2017 goda* [Review of judgments of the Russian Constitutional Court: July 2017]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 5, pp. 139–153. (In Russian).